

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

К Р И Т И К А

Бытийный круг в поэзии Николая Алешкова

В последние десятилетия в русской литературе утвердился мотив возвращения. Как никогда прежде он силен и особенно отчетлив в сегодняшней поэзии. В прозе, сопрягая минувшие времена с настоящим днём, авторами исподволь проводится мысль о неверности пути, которым идёт страна, и реставрации многих поруганных святынь и постулатов, на которые в прошлые эпохи опиралась русская жизнь. Фак-

Вячеслав ЛЮТЫЙ Медленные птицы

тически перед нами тот же мотив, только воссозданный на конкретном материале и закреплённый художественно воссозданными характеристиками героев произведения.

Поэзия обладает исключительной возможностью преодолевать границы реальности, не говоря уже о линиях, которыми расчерчено наше пространство и время. И здесь уже возвращение выглядит как акт волевой и метафизический, которому воспрепятствовать житейскими, видимыми действиями, практически, невозможно. Именно потому русская жизнь, напитываемая духовными энергиями поэзии, во многом сохраняет себя под давлением западного образа жизни, устроенного с сатанинским лукавством и жестокостью.

Вместе с тем, понимание русского бытия связано с его целостностью, несмотря на многие и многие настроения в отечественной истории и действительности. В нём есть некая задача, которую русский человек чувствует интуитивно, но обозначенная словами, она теряет свою убедительность и неземной объём и становится очередной сентенцией или философским построением.

Только в поэзии интонация и волшебная способность самого строя речи пронизать невидимые стенки и непреодолимые рубежи позволяют воплотить внятно сокровенный смысл и сердечные движения лирического героя и народа, частью которого он себя чувствует.

Интуиция народа бывает подавлена искушениями и заблуждениями, в реальности – иной раз самого кровавого толка. Однако с течением лет эти глубоко спрятанные мысль и чувство набирают силу и заявляют о себе вновь. И потому русская поэзия, не споря с православной верой, является хранительницей и проводником народной души – идеального образа русского человека, способного освободиться от всего низкого и поклониться изначально высокому и светлому.

Стихи Николая Алешкова в этой связи могут показаться совсем не сосредоточенным совокупным лирическим высказыванием. И здесь – их тайна, когда за пустяком высвечиваются важнейшие вещи, а за лёгкими словами – смысл, охватывающий жизнь и судьбу.

У Алешкова поэтическая речь очень проста, порой обиденна, в ней нет литературной изощрённости ("я простой и понятный"). Его пейзажные, элегические стихи очень естественны, а природа, как правило, олицетворена. У неё есть характер и повадка, словно у знакомого или прохожего. Это позволяет автору снять задачу как между читателем и поэтом, так и между человеком и миром ("Август <...> чутк прощёлся по листве и с особью охотой по просяночной траве"; "как новости, стали чинно с жемчугами да с фатой и берёзы, и осины вдоль дороженьки пустой").

Обыкновение, повадка его героя – скорее, сельские, чем городские. И тут особенный срез сознания: селянин, живущий в городе, но тоскующий по деревне ("деревенским поэтом по Отчизне идущ"). Он – земляной человек, не асфальтовый, и ценит прикосновение порою даже больше созерцания – именно так он входит в природное перетекание света и темноты, предметов и тел. Физика любви почти магнетически притягивает его, но и то, что осталось только порывом в отсутствии телесного соприкосновения, очень значимо: "...необъяснимая словами жар-птицей нежность промелькнет. Прекрасно всё, что не случится!".

Алешков – один из самых предметных поэтов, приверженных русской лирической традиции. Картины жизни человека и природы у него удивительно точны в изобразительном отношении. Прочитав стихотворение, будто через увеличительное стекло видишь описанное. Причём его строки вмещают в себя и переживание, и затаённую мысль: "Отзовётся детство гулко: с лёгкой удочкой в руке по широкому проулку босиком бегу к реке".

В его сюжетах много житейского, ему нравятся укладывать в стихи ту или иную реальную историю ("достану, молча, книжку записную и что-нибудь о жизни расскажу"). Делает он это с завидной лёгкостью, очень точно прописывая мизансцены и вскользя роняя характеристику происходящего: изображая, осознавая и, одновременно, ведя читателя.

Алешков всегда чувствовал себя поэтом – особенным, отделившимся человеком: "Кто-то в небе поймал журавля. Я услышу небесное слово". Но только со временем стало понятно, чем оплачивается такая жизненная роль ("с одиночеством дружи", "всей душою, всюю кровью, птицей в небе – песно спеть").

Ах, все мы скитальцы и все богомольцы,
С надеждой и верой глядим на небеса,
Как будто бы слышим –
 меж звёздных околиц
Родные зовут нас к себе голоса.

В этом реальном и духовном скитании хорошо читается "какое-то странное русское чувство: во всём раствориться, от всех убежать". Подобное внутреннее противоречие не понятно иноземцу, оно его раздражает видимой неподсказанностью желаний. Однако способность соединять земное и небесное подразуме-

вает сосредоточенность души и одновременно – её открытость Божьему миру. Поэтому важно обозначить неизменные ориентиры, замыкающие пространство, в котором движется поэт, – реальное, смысловое, ценностное: "Свет небесный, хлеб насущный, твердь земли моей родной".

В свою очередь, каждое из понятий, обозначенных в авторской строке, оказывается своего рода входным наименованием целого спектра сюжетов, вполне человеческих и конкретных. Коллизии здесь перетекают на соседнее художественное поле: житейское перекликается с духовным, а родное – с повседневным и надмирным. Потому и "хлеб насущный" для поэта связан с "заветным зерном", которое он роняет

"на ниву русской речи", со стихами о природе, с любовной лирикой и всем, что сопровождает его в пути по тернистым земным тропам. А развёрнутый образ Родины, сердечный и насыщенный реальными деталями, обладает метафизическим отражением в "небесных" пределах – это не только Святая Русь, но и подвиги подвижников и героев, русский стоицизм и способность к возрождению наперекор тяжести прежних поражений.

Родная сторона для Алешкова – не только место, но и часть жизни. Не однажды он замечает в своих стихах, что его родина – детство ("и забыть нельзя, что есть истоки – чистые из детства родники"). Собственно, так могут сказать многие – для поэзии подобное утверждение не является открытием.

Но когда оно воссоздается при помощи поэтического образа, органично наполненного оттенками лиц и характеров, подробностями радостей и бед, чертами действительности, которые сжимают оком до границ детского царства, – всякий раз в словах поэта возникает маленькое чудо.

Озёра плавают в закате.
И запахах трав, и вкус уху!
Растут из этой благодати
мои негромкие стихи.
И если пристальнось взглядеюсь
в судьбу свою и жизнь свою,
я б навсегда остался в детстве,
как ангел в сказочном раю.

Для поэта детство оказывается не священным – в такой характеристике скрывается сухой ум, но "райским" – невинным, свободным, светлым, доверчивым. Он мог бы привести в стихах свидетельства тягот и горечи, поскольку рожден в год Победы, а послевоенное десятилетие требует от художника суровых красок и жестких линий. Но Алешков оберегает детскую радость и упоение жизнью от поздних рациональных суждений зрелого человека. И такое отношение – одна из самых твёрдых опор его творческого сознания: "Боже, как же нас в детстве любил! Нам бы, Господи, так же любить".

А на лужайке Насенька и Ванечка,
две светлорусых детских головы,
и золотые брызги одуванчиков
рассыпаны по зелени травы.

И над садами дачными рассеялся
вишнёвый и черёмуховый дым,
но не грущу я больше по-осенински,
что я не буду больше молодым.

А на лужайке Насенька и Ванечка
весёлым смехом радуют гостей
и белый пух содувают с одуванчиков,
и он летит над памятью моей!

В этой солнечной картине светятся блики счастья – как детского, так и взрослого. Заметим: когда хранит русский человек интуитивное ощущение собственной причастности к роду, тогда и возникает в его душе подобное "райское" эхо...

Умудрённость души и её широта – отличительные черты облика лирического героя Николая Алешкова. Все умозаключения, "хорошие советы" и предостережения ещё прежде автор испытал на себе, и это сказывается в искренности поэтической интонации ("ты сам выбираешь – в добре или зле возрастать"). В его стихах не найти амбивалентного отношения к жизни и человеку – здесь поэт открыт, определёнен. В его голосе слышна сокрушённость, когда он упоминает о своём жизненном пути, который переосмысливает и переосмысливает. Бережно берёт всё светлое, живое, порывистое, страстное – и судит свои метания, здесь сюжет стихотворений достаточно красноречив.

Размышления о чистоте скрытого душевного родника, который помогает ему освободиться от всего наносного, тяжкого и грязного, почти постоянны в лирике Алешкова ("тело моё – грешное, а душа чиста", "пусть живу, греша, но в стихах останется чистою душа", "но по ночам я вижу сны, в которых ты меня простила", "если в пьяном бреду ни за грош пропаду, нет прощенья, мой свет, мне за это буду"; "да, велика моя мука, но велика и вина").

Небесный свет струит добро.
Январский снег, как серебро,
на солнышке бликует.
Я опускаюсь в полынью,
чтоб душу грешную свою
очистить – пусть ликует.

Кама – река, на которой прошло детство автора. Словно в духовном видении, он соединяет её течение с жизнью и космосом: "Я по Каме впадаю в Волгу и взлетаю на Млечный Путь". Его герой, вкусив благодати из "реки небесной", внезапно видит родные берега – всё земное, что бесконечно дорого его сердцу. И происходит метафизический цикл слияния земли с небом и неба с землёй.

Одновременно возникает, согретое воспоминаниями, странное прикосновение "давней" души героя, ещё не повреждённой беспощадными поздними искушениями, – к его "изношенной судьбе".

After ego поэта в стихотворениях – человек довольно буйного нрава. Влюблённый в земное чувствование, в женскую телесную красоту, он совершает поступки, о которых позже горько сожалеет: "Душа, как астроном, тоскует о небесном, а тело о земном!". Кажется, что лирический герой самозабвенно купается в водах жизненной реки и чувствует её течение, а в его сознании нет впечатлений возможного конца. Так звери и птицы проживают дни и годы, не подозревая об их краткости и конечности. И это – примета давней, отменённой первым грехопадением и позабытой принадлежности к Раю. Однако для человека всё иначе, ему дано понимание добра и зла и чувство скоротечности времени.

У Алешкова первое и второе восприятие жизни взаимно переплетаются, и возникает движение вспять: от устья – к истоку, от космоса – к земному уголку. Чувство жизни без предела – как вселенной! – превращает цепь житейских забот в бытийный круг, в котором "небесная благодать" и детство перекликаются, всё самое родное и близкое становится нетленным, а небеса оказываются Отчизной ("...из поднебесья летит блага весть, что там, среди созвездий, твоя Отчизна есть"). Тут скрывается устройство души корневого русского человека, который может внутри себя соединить землю под ногами с небом над головой. И подобное сочетание будет обладать для него приметами тёплыми, осязаемыми, знакомыми...

Очень большое место в поэзии Николая Алешкова занимает любовная лирика. Надо сказать, что эта тема по устоявшемуся порядку вещей отдала поэтам. Ахматова и Цветаева не только подарили русской литературе стихи такого рода, но и как будто обозначили художественную территорию, где женский тип лирического высказывания кажется главным и единственно возможным. Разумеется, стихи о любви у современных поэтов встречаются часто, однако они, практически, никогда не становятся приоритетным направлением их творчества. И Алешков оказывается редким исключением из "цехового" правила.

Целуй же! Мне твои желанны губы.
Их дикий мёд я только пригубил.
Не мсти за то, что не был обоюблом,
что не тебя сильней дружих любил.

Рассудит Бог – лишь он меж нами третий.
А в небесах, где Млечный Путь блестит,
одну лишь душу я хотел бы встретить,
которая за всё меня простит.

У Николая Алешкова любовная тема выходит из собственных берегов и достигает русской природы, дыхания небес, земной тяги и всего круговорота жизни человека. Причём, начало этого созерцательного движения дано в современности – в таком контексте у поэта нет размышлений над историей и её фигурами.

Стихи его отличаются печальной мудростью и мальчишеской безоглядностью, а также – завидной простотой, когда из реальных деталей возникает метафизическая дымка любовного чувства. Порой он может изобразить, на первый взгляд, избыточное количество подробностей события, что более свойственно прозе, но почти всегда в его стихах есть замечательная недосказанность, "послесвечение" слов. В свою очередь, множество реальных черт происходящего придают достоверность стихотворению, после чего рука поэта сообщает тексту "волшебство" – и он окживает...

... У Алешкова тезис "пора подумать о душе" не отделим от телесной жизни, он словно бы спорит с ней и примеряется к границам земного существования. Однако при всех таинственных предчувствиях и предзнаменованиях ощущение полноты жизни от детства до старости сопровождает большинство стихотворений поэта. Но избежать роковых вопрошаний не удаётся и ему: "Мы тоже уходим, сами не зная – куда"; "Легко ли душе возвращаться, откуда однажды пришла?".

Когда моя душа простится с телом,
не сразу мне закрой глаза, скорбь.
Я, может быть, ребёнком озорным
в последний миг поцелую себя.

Я, может быть, увижу, как вдали
душа летит к таинственному лону,
и медленные птицы – журавли
за неё вслед летят по небосклону.

Величие и грозное содержание беспредельного бытия, куда малой песчинкой попадает освободившаяся от бременного тела душа человеческая, читаются здесь в образе оробевшего ребёнка, который чувствует ещё только самого себя – как средоточие индивидуальной жизни, полной эмоций и тревожных ожиданий.

Знание пути не отменяет сам путь. Вот почему в стихах Николая Алешкова существуют на равных правах прозрения о бытийном круге и смятение человека, стоящего перед неизведанным и бесконечным пространством. Он сам определяет собственную судьбу и преодолевает трудные, нехоженые тропы.

Придёт и Пасха. Молодой звонарь
на колокольне свяжет воедино
небесный купол и земной алтарь,
и благовест услышит вся долина.

Небесное и земное, церковное, мирское и природное взаимно соприкасаются, а молодая сила связывает телесное с духовным под веником светом Пасхи Господней. Вот где таят единственные ответы на горькие земные вопросы, к которым каждый подбирает свои слова...

Рассказы, очерки, статьи, наполняющие юбилейный – к семидесятилетию – трёхтомник Николая Гребнева "На хуторе моём три Дома", настолько заплетены, увязаны и посажены на личность писателя, что не поддаются привычным литкритическим классификационным приёмам.

Правильнее рассматривать трёхтомник не как вещь саму в себе, не как самодостаточное произведение, а как неисчленимую часть жизни автора. Три тома его повседневного бытовых и гражданских рассуждений, затяжных его сердечных влечений и спонтанных антипатий, убеждений и сомнений, сокрушительств и веры. В этих книгах – жизнь человека в её полноте и многогранности, жизнь добрая и мудрая, много повидавшая и выстрадавшая, но прошлыми испытаниями только укреплённая, и потому простирающаяся в будущее без цинизма, без отчаяния.

Переплывающая страницы, буквально греешья этой жизнью, как греешься хорошим, мирным, душевным соседством. Вот, например, есть такие истории, которые просто невозмож-

Три тома жизни

но не почитать затаившимся вечером никак не утихающим внукам, истории, осмысление и толкование которых наполняют бурлящий хаотичностью мир понятностью, а переживание роднит и сращивает разрозненные и разбросанные эпохой перемены поколения не хуже мёртвой и живой воды.

Николай Гребнев, "Тимошка прилетел!": "Без слов стало ясно – гость не гость, это наш стриж попал в беду и искал спасения. Даже не стриж, а стригонок! Когда сняли решето – решили дать ему свободу, он улетать не собирался.

– С нами хочет жить. Так интересно, если все вместе, – заключила Александра.

– Он ещё не высох, – сказал Денис. Внук всё серьёзнее становился в оценках происходящего.

– Его бы покормить. Бабушка, – просит Саша, – может, дадим ему что-нибудь вкусенькое – тортик или блинчик?

– Это же тебе не курица и даже не синичка. Ему нужны комары, – снова вновь ясность Денис.

– Но на нашем этаже, вот, погляди, их же нету, не водятся...

И дети тут же отправились во двор на охоту за комарами, причём Александра, чуточку подумав, согласилась всё же быть приманкой, а Денис, кто же ещё – охотником".

Давным-давно сложился жанр "детской литературы", хотя правильной бы звучало – "литературы для детей". Уже два с лишним века взрослые, и очень даже взрослые дяди и тётки пишут стихи и прозу, удачно, и даже очень удачно вживаясь в мирозерцание, в логику и чувствования пытливых дошколят, егзотичных пятиклассников и самосозерцательных отроков. "Литература для детей", действительно, – развитая литература, совершенно полноценное направление искусства, соблюдающее все законы ремесла и отвечающее всем требованиям культуры, внутри которой оно живёт. И потому признание состоятельности этого, как бы несерьёзного, как бы "понарошного" жанра не снимает восторга перед непреодолимой тайной, не принимает восхищения перед неоскудевающим чудом рождения в ней насерьёзнейших художественных произведений. Будь то "Конёк-горбунчик", "Аленький цветочек", "Василин колец" или "Судьба барабанщика"...

Конечно, писатель, которому дано естественно, без насилия над собой, над своим опытом и кругозором переменять своё мудро-компромиссное виденье окружающего, дано без снисхождения, на равных и абсолютно искренне вступать в диалог с теми, кто ещё пребывает в неуклюжей вере в справедливость, в обязательную победу добра, такой писатель должен обладать – и обладает! – особыми душевными качествами. Прежде всего, он, где-то там, под коростой социальной опытности, должен сохранять эту самую несомненную неуклюжесть веры, которая через ремесло и исполнение культурных установок резонирует со встречной доверчивостью дошколят, пятиклассников и отроков.

Однако, разве только "детским писателям" нужны такие качества? Разве мы, взрослые, и очень даже взрослые дяди и тётки, когда открываем новую книгу, глубоко, из-под панциря компромиссов, не надеемся на лирическое резонирование с автором верой в добро красоты, в возможность счастья для всех и конечную справедливость? Что, "взрослая литература" просто обречена на глухую и слепой критицизм, обличения и бичева- ния, диссидентский сарказм и эпатажные патологии? А мы, затерроризованные "общественным мнением", загнанные духом времени, даже и не ищем в современной литературе отрицания цинизма и уродства, не ожидаем от неё чисто доверительного, "по душам", разговора с писателем, без подвоха и западни? Просто-ясно и честно-откровенно о самом для нас главном – о смысле нашей жизни. Настолько просто и настолько честно, что и не подозревавшие друг о друге до встречи люди вдруг да сойдутся на этом самом главном. И все различия в возрасте, быте и карьере станут для беседующих ничёмными и мелочными.

Николай Гребнев, "Райские яблочки":

"Отсюда, где сидели мы, выдилось далеко и ясно. Сухой тёплый ветерок настолько лёгок, что паутинки не поднимались выше деревьев. На старой берёзе, склонившейся над крышей дома, собралось их столько, что в солнечном сиянии казались светлой проседью в золотых прядях листвы... Тяготы городской жизни представлялись ничёмными и мелочными. Невольно думалось: "Где-то хуторяне нынче? Какое лихо разогнало их в промозглые северные шахты и знойные пески пустынь, в притоны заморских держав и в ракет столчных рынков?.. Катериновка – разве не рай?! Чем не рай это

место, где царят тишина, покой и согласие..."

Присели за чаем напротив старуха-крестьянка, не выдавшая за жизнь ничего далее рай-центра и журналист-писатель, для которого в каждом городе бывшего Советского Союза, да и в иных странах, есть памятные места, а принимают-ловят всё с полуслова, потому как не мелочатся, не никчёмничают. И выходит у них разговор о душевном мире каждого и всех, о счастье человека и людских бессмыслицах.

Николай Гребнев, "Райские яблочки":

"Почему мы, русские люди, как и всё наше славянское племя, словно это озимое поле, рискуем жить порознь и не осознаём: не в том вовсе сила наша, что нас много! Не потому ли, всякий раз превозмогая ненастье, дабы возродиться духовно, не можем переиначить мы жизнь без убитка, без лишней траты сил. Не на

Василий ДВОРЦОВ

исходе ли в самом деле наше золотое времечко? Множатся недруги в речах, – мол, племя худое. Конечно, изыяны есть, неиспаланные судьбою, обстоятельствами, временем, нечистою силою... Так то не пороки, то червоточины! В укор ли они красну яблочку?! Нет, не в укор!..."

Курский прозаик Николай Гребнев – из учительской семьи, и свой трудовой путь начинал сельским учителем. Несомненно, это сказалось на формировании характера и развития творчества, на построении судьбы. Непосредственное и круглосуточное пребывание в моральной педагогике, с атлантоностью речи и примерством поступков, с бессрочной ответственностью за всё то, что через тебя, учителя, позволял потом себе твои воспитанники, дабы и малой слабостью не ввести кого в соблазн, – такое не выветривается, не расстрачивается, не ветшает. Потому как это не самолюбующеся менторство, а бремя лидерства, настоящее, полноебремя бремя не столько преподавателя математики или катехизиса, но наставника, ручателя, покровителя и заступника.

Николай Гребнев, ""Восток" – Озерки":

"Отец сошёл с подножия, поправил на свой привычный манер волосы, одёрнул китель и стал в сторонке как-то торжественно и картинно, будто на него навели фотоаппарат либо была общешкольная торжественная линейка...

Он подозвал меня, положил руку на плечо. – Вон в том самом месте, где взошло солнышко, – родина твоя, Коммунар, там четырнадцать лет назад ты и родился. Так совпало: от 9 августа оставалось ровно девять месяцев до 9 мая – Дня Победы! Но радость случилась перемешку с печалью – пришло известие: твой дядя Коля, мамин брат, сгорел в танке... Так что жить тебе и стараться за двоих. – Я и так вроде бы..."

Вот сказал я – "курский прозаик" и задумался: а почему, собственно, "курский"? В чём и чем "курский"? Действительно, того же Астафьева даже в мыслях никто не обрежет "красноярским", а Солухина "владимирским". Региональная привязка в писательстве не более, чем местная речевая мелодика с диалектической приспкой из образов-словечек, а так-то Россия от Магадана до Калининграда в едином и неделимом своём языке мыслится и чувствуется одинаково. В русском языке мы единая нация, единая во всех своих этнических принадлежностях, и единый народ, самостоятельный, самодостаточный и самодержав- ный народ, благодаря нашей общей русской литературе. Русской – и с Рытзью, и с Гамзатовым, и с Каримом, с Ионеску и Мокшином.

Хотя несомненна "питерская" школа, есть и "вологодская", и "орловская". Как они складываются? Кем? Где-то целая плеяда равнозначных гениев равномерно растягивается во времени, а где-то вырастает школа из единого корня-основателя.

И далее новые поэты и прозаики лишь прибавляются, плюсоются к титульному имени, не только не затмевая, но даже и не сравниваясь с тем, кого воспринимают учителем, пестуном-наставником. Вот и писатели-куряне навсегда связаны именем Евгения Носова. Хотя вся читающая Россия знает высочайшей пробы прозу Николая Еськова, Владимира Авдеева, Николая Гребнева, но ни их читатели, ни сами писатели не позволяют себе даже в малом усомниться в принадлежности их к носовской артели, носовскому гнезду. Здесь, конечно, и отдача долга тому, кто уже пронёс бремя сатанинства, заступничества и покровительства. И здесь крепость, непресекаемость, неразрывность цепи жизни, в которой ты, сам став для кого-то учителем, равно остаёшься чьим-то учеником.

Николай Гребнев, "Дуб-семицвет":

"Носовские формулы творчества. – Евгений Иванович, – я уловил паузу и набрался храбрости: – Что если я принесу видеокамеру..."

– Запрещаю, Коля! Или ты хочешь, чтобы я ушёл? С твоей камерой – будто в зрительном зале... И потом, что это ты всякий раз при наших встречах демонстрируешь самоуничижение.

Это ни к чему совершенно! Демонстрация качеств такого рода сама по себе неплоха – не даёт прозревать завывающий самоощенке. Тебе, однако, экзаменоваться у меня нужды нет – ученичество кончилось. И зачёту уже тебе поставил, – напомнил Евгений Иванович о данной мне рекомендации в Союз писателей. – А ты всё в ученики рядишься. Хотя что говорить, человек сколько живёт, столько и учится, познание нескончаемо. Исключений ни для кого нет!"...

Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть". Про коллайдер почему-то не говорится. Говорится о Слове, как о Большом взрыве.

Так стоило ли городородить, чтобы понять то, о чём уже давно сказано. И тут я вспомнил Ф.М. Достоевского, его знаменитую "Легенду..." и подумал: "А вдруг случится чудо и там, под Женевою, на глубине 100 метров обнаружат "частицу Бога"? Что человечество падёт ниц перед великим Творцом? Дудки! Человечество найдёт купю оправданий, чтобы только не пускать в свою жизнь ЕГО, которого найти-то всего ничего – руку протянуть. И даже если что-то найдут, всё равно скажут, что ничего не нашли. И Великий Инквизитор в который раз благословит эту ложь..."

Иркутск

Как сообщила недавно "Свободная пресса", в ноябре под Женевою запустят в очередной раз большой адронный коллайдер (БАК). Бозон Хиггса и всё такое... Круто я, да? На самом деле ни хрена в этом не понимаю, ну, ни в зуб ногой. Говорят, таких, как я, полмира. У меня подозрение, что их значительно больше. Но им же нельзя отказать в их простодушном стремлении хотя бы сделать вид, что они продвинутые. И они, возможно, как и я, лишь смутно улавливают, что кто-то ищет Бога. Вернее ищет ЕГО отсутствие.

Есть во всём этом что-то маниакальное, даже истерическое. И тому имеется оправдание. Рушится привычный порядок вещей. Сегодня, пожалуй, уже мало осталось серьёзных учёных, кто верит в когда-то незыблемый постулат – "Вселенная бесконечна в пространстве и во времени". Всему есть начало и конец, рождение и смерть. Уже мало кого впечатляет и "орангутанское" происхождение хомо-сапиенса. Эта неясная, колышущая туманностью в умах раздражает – опять всё сначала. Куда, в какую теперь сторону стопы направлять?

Терзают смутные сомнения, даже страх – а вдруг? Не человек ЕГО придумал, а ОН чело-

века? Нет, этого не может быть. Мы докажем. Нужны только деньги, много денег. Очень много денег! Давайте заглубляться в землю, строить бетонные катакомбы. Нужно создать абсо-

И великий инквизитор благословит... Геннадий РУССКИХ

лютный холод, напичкать каждый сантиметр электроникой, чтобы замечала всё до мелочей, вплоть до сдобной булки, кем-то забытой впыпхался! А потом мы начнём крутить. А это не опасно? Ну, там чёрные дыры – белые пятна... Нисколько, безопасней даже, чем сидеть в кино на последний сеанс.

Почитаешь про это БАК, интересно станет. Всё в духе нашего уплотнённого времени – от восторгов – до чёрной немочи пессимизма и зубового скрежета. Загадочно настаивают и объёмы финансирования проекта. Мелькают цифры – восемь, четырнадцать миллиардов полновесных американских рублей. Потом выясняется, что чуть ли ни половина стран планеты Земля зарыли баксы в Швейцарии-Франции на глубину от 50 до 175 метров! Здесь мои познания в арифметике заканчи-

ваются и определяются одним словом – много. Наверное, на эти средства можно было бы покончить с голодом во всём мире. Закрыть весь долг США. Или остановить таяние ледников в

был ли взрыв?

Наверное, был, иначе мы бы тут разве ломали копыя сейчас? Сложнее ответить, КТО его произвел и КТО построил коллайдер размером

с Вселенную? Какие такие частицы без массы столкнулись когда-то и всё закрутилось, завертелось, стало шипеть, шкворчать, вращаться и расширяться. А потом появилась жизнь! И на эту жизнь сегодня "пашет" вся Вселенная: что бы горело солнце, сохранялась атмосфера, росли леса, были времена года, синел тонкий озоновый слой, а верх творения – человек – вкусно ел, сладко пил и нёс всякую фигну. Возможно, через чёрные дыры идут громадные перетоки энергии по невидимым каналам, чтобы поддерживать ежесекундно всю систему в рабочем состоянии. Взрываются розовые и голубые гиганты, отработав свой ресурс, работают в "штатном режиме" солнечные системы, стремительно несутся потоки астероидов, создаются новые галактики – склады топлива для Вселенной. И всем этим "хозяйством" кто-